

батовым смотренные десятины полка Елисея Цыклера 1655 г., а также выявленные В.Е. Поповым и А.И. Филошкиным в архивных собраниях Польши и Санкт-Петербурга грамоты, относящиеся к предыстории Ливонской войны 1558–1583 гг. Среди статей сборника объемом, равно как и детальностью проработки темы, выделяется труд Бохуна «Как гетман Ходкевич проиграл под Москвой в 1612 г.». Статья посвящена анализу военной стороны события, ставшего, без сомнения, переломным в истории Смутного времени – боям войска гетмана Я.-К. Ходкевича с силами народных ополчений у стен московского Кремля. Удачный пример исторической реконструкции хода военных действий являет собой написанная с опорой на архивные материалы статья Курбатова «Сражение при деревне Доманы 12 февраля 1655 г.». Значительно представительнее во 2-м выпуске альманаха стал блок материалов, посвященных военной истории России XVIII в., среди которых особый интерес у рецензента вызвали статьи И.В. Курукина о планах и итогах Персидского похода Петра I в 1722–1723 гг. и А.В. Дмитриева о гарнизонных частях русской армии на территории Сибири в середине XVIII столетия.

Высоко оценивая рецензируемый сборник статей, нельзя не высказать, вместе с тем, отдельных критических замечаний. В частности, интересная и глубокая по содержанию статья Е.В. Гусаровой «Конная карусель в царствование Елизаветы Петровны» не вполне, как кажется, соответствует основной (военно-исторической) тематике сборника. Сомнение вызывает целесообразность помещения работы Виноградова и Малова ««Сошлись с ними у Воскресенья в Молодах» Материалы о походе Девлет Гирея I на Москву 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг.» в раздел «Публикации». Сопровождающая публикуемый фрагмент посольской книги статья внятеро превосходит его своим объемом. Более оправданным было бы размещение этого мате-

риала в рубрике «Статьи»; публикация фрагмента посольской книги (ранее, кстати, частично издававшегося В.И. Бугановым³) стала бы приложением к статье.

Резюмируя вышеизложенное, можно поздравить авторский коллектив и редакционную коллегию сборника: их стараниями на свет появился качественный исторический альманах, аккумулирующий в себе последние достижения ведущих специалистов по российской военной истории XVI–XVIII вв. Выход 2-го выпуска «Единорога» продемонстрировал научную актуальность трудов по вышеозначенной тематике. Это, в свою очередь, дает читателям основания ожидать продолжения столь интересного и, вне всякого сомнения, полезного для отечественной исторической науки издания.

Д.В. Лисейцев,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Например, в недавно вышедшей книге о Ливонской войне заявляется, что «Настоящая работа претендует на то, чтобы стать первой, полностью посвященной Ливонской войне, но ее автор будет искренне благодарен и глубоко признателен тем, кто укажет ему на ошибочность его претензий насчет первенства» (*Шапран А.А.* Ливонская война 1558–1583 гг. Екатеринбург, 2009. С. 10). Видимо, исследователь не знает о существовании вышедшей более полувека назад работы (*Королюк В.Д.* Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954).

² Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Ред.: *Пазднякоу В.С.* Новае археаграфічнае выданне па ваеннай гісторыі // Беларускі археаграфічны штогоднік. 2010. Вып. 11. С. 327–329.

³ Документы о сражении при Молодах в 1572 г. // Исторический архив. 1959. № 4. С. 181–183.

«Рассказ одного русского купца»: жизнь и приключения Ивана Алексеевича Толчёнова по изложению в его дневнике. Блумингтон: Изд-во университета штата Индиана, 2009. 320 с.*

Американский историк Дэвид Рэнсел хорошо известен российским коллегам. Его первая монография «Матери нищеты: брошенные дети в России»¹, посвященная истории Мос-

ковского и Петербургского Воспитательных домов, феномену «питомничества» подкинутых незаконнорожденных детей, внесла большой вклад в изучение благотворительности в

* *Ransel D.L.* A Russian Merchant's Tale. The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchënov, Based on his Diary. Bloomington: Indiana University press, 2009. 320 p.

России. Затем последовала книга «Деревенские матери», где на основе большого массива интервью были исследованы межпоколенческие изменения в роли матери, жены и самостоятельной трудящейся женщины в русской и татарской традициях в XX в., вопрос регулирования репродуктивной функции и отношения женщин к своему здоровью. Важным вкладом в разработку проблемы империи стал сборник статей «Имперская Россия: новые исторические подходы к изучению империи», вышедший под редакцией Д. Рэнсела и Дж. Бёрбанка².

В новой книге Рэнсел вновь обращается к истории России второй половины XVIII – начала XIX в. В качестве точки отсчета для рассмотрения этого периода взят «Журнал, или Записка жизни и приключений И.А. Толчёнова». Этот источник был издан на ротапринтере Институтом истории СССР АН СССР в 1974 г. по рукописи, хранящейся в БАН (целиком опубликованы записи только 1782, 1791, 1805 и 1812 гг., остальные годы представлены в отрывках). «Журнал» уникален не только тем, что дневников того времени вообще дошло до нас мало, а уж купеческих – всего несколько³.

Важно и то, что он непрерывно велся Толчёновым (1754–1825) с 1768 г. по 28 августа 1812 г., то есть более 40 лет. Автор журнала, по его собственным словам, владел грамотой с четырехлетнего возраста, и уже с 13 лет участвовал в отцовском бизнесе по закупке зерна в хлеботорговых (главным образом, южных) губерниях и переправке его по воде в Петербург для оптовой продажи. Он был тонким наблюдателем, не чуждым философствованию, а потому круг вопросов, затронутых в его «Журнале», очень обширен. Все эти обстоятельства позволили Рэнселу использовать «Журнал» Толчёнова для микроисторического анализа. Каждое представленное в нем событие, будь то успехи и провалы в предпринимательском деле, женитьба, рождения и смерти близких, строительство особняка в Дмитрове, а затем вынужденный переезд в Москву, где семью ждало экономическое оскудение, встречи с десятками, если не сотнями людей из разных слоев общества, – дает автору монографии возможность широкого исследования эпохи в целом и различных аспектов поведения людей того времени.

В предисловии (с. XVIII–XIX) Рэнсел размышляет о двух подходах к использованию дневниковых записей в качестве источника. В первом случае (что бывает чаще) историк берет из дневников наиболее яркие события и привлекает сведения о реакции современников на эти события для обоснования собственной концепции. Реже встречается второй подход, заключающийся в использовании дневника

для изучения общества в целом. В последнее время историки в Европе и США плодотворно применяют именно этот подход⁴. Собственно, успех американской исследовательницы Лорел Алрич, написавшей монографию на основе дневника повивальной бабки Марты Баллард из штата Мэн (датированного второй половиной XVIII в.)⁵, и породил у Рэнсела надежду, что дневник купца Толчёнова можно использовать для характеристики русского провинциального общества того же времени.

Свою задачу исследователь формулирует так: «Значительная часть повествования может быть понята только при обращении в процессе исследования к архивным и опубликованным документам. Моей целью было скомбинировать сам дневник и дополнительные материалы с целью создания картины, которая позволила бы нам преодолеть стереотипы понимания купеческого сообщества и семейной жизни внутри него как исключительно статичной, невежественной, малокультурной и замкнутой» (с. XII). Исходя из этого принципа, Рэнсел начинает каждый раздел книги с цитаты из дневника, а дальнейшее подробное комментирование ее содержания с конкретно-исторической и историографической точек зрения раскрывает перед читателем равноуровневые события той эпохи, порождает понимание нарративной практики конструирования идентичности героя.

Рэнсел оказался успешен в атрибуции каждого события, встречающегося в дневнике Толчёнова. В этом смысле книга является достойным подражания образцом исторического исследования, в котором отражен весь спектр источников, позволяющих объяснить современному читателю реалии прошлой эпохи. Показано, что Толчёнов находился в постоянной неутомимой деятельности – следил за работой нескольких мельниц, за отправкой муки на региональные рынки, регулярно ходил к церковным службам, посещал с визитами дома аристократии и купцов в Москве и Дмитрове, Владимире и Кашине, ходил на званые обеды, свадьбы, крестины и похороны, жертвовал на поновление храмов, устраивал оранжерею в своей усадьбе, для чего покупал саженцы мандарина, лимона, персика и лавра, ходил в оперу и на балет.

Книга состоит из 8 глав, сгруппированных по хронологическому принципу. Первая глава «Окружающая обстановка, обучение, юность и женитьба» охватывает жизнь героя вплоть до его вступления в брак в 1773 г. Она начинается с историко-экономического описания Дмитрова – старинного русского города с впечатляющими монастырскими и церковными постройками. Петровские преобразования и перенос

столицы в Петербург послужили расцвету Дмитрова, где образовалась группа «крепких» купцов, разбогатевших в XVIII в. на поставках зерна в новую столицу.

Во второй главе рассмотрены проблемы политической жизни на местном уровне и ее отражение в дневнике молодого купца. Отец Ивана был влиятельным лицом в купеческом самоуправлении и в 1767 г. был избран в Уложенную комиссию Екатерины II, что требовало его присутствия по два и более месяца в году в Петербурге, куда он уезжал вместе с супругой. В самом Дмитрове Алексей Толчёнов принимал в своем доме представителей местной церковной и помещичьей элиты, проезжавших высоких особ из обеих столиц. Несомненно, привлечет внимание читателей изложенный по материалам дневника и РГАДА (ф. 724, содержащий материалы по Дмитрову) случай следствия по злоупотреблениям воеводы Жеребцова и его отставки с поста по жалобе дмитровцев на Высочайшее имя.

Третья глава «Младший член семейной фирмы: купеческая жизнь в Дмитрове» посвящена начальному периоду коммерческой деятельности Ивана Толчёнова по торговле зерном в 1773–1774 гг. Большой интерес представляет сюжет о совещаниях дмитровского дворянства и купечества, обеспокоенных угрозой своему благополучию со стороны повстанцев под предводительством Пугачева. Рассказ Толчёнова о поездке в Петербург показывает широту интересов купца. Наряду с ежедневным посещением рынка и товарной Биржи, он дважды посетил Сенат. Иван был поражен тремя виденными в столице вещами: макетом моста через Неву, спроектированного Кулибиным; почти завершенным монументом Петру I; моделью Исаакиевского собора. Толчёнов посещал службы в Александро-Невской лавре и любил гулять в Летнем Саду.

Четвертая глава «Молодой Paterfamilias» повествует о том, как Иван заменил отца по главе семейной фирмы. День 18 августа 1779 г. стал, по словам автора дневника, «горестным днем из всех бывших в жизни моих». Уехавший здоровым по торговым делам отец Ивана скончался в дороге: после кражи трех лошадей на постоялом дворе с ним случился приступ, в 15 верстах от Переславля он «почувствовал тоску и ослабление сил, а скоро и рвота кровью началась», завершившаяся параличом и смертью. В главе интересен раздел, посвященный отношениям Ивана к супруге и сыновьям (с. 100–105). Толчёнов был очень привязан к жене, родившей ему 16 детей, из которых только четыре сына дожили до взрослого возраста. Об «эмоциональной привязанности» Толчёнова к детям свидетельствует также один из раз-

делов пятой главы, где важное историографическое значение имеют рассуждения Рэнсела о масштабах и причинах детской смертности в России XVIII–XIX вв. и отношении родителей к смертям детей (с. 121–130).

Главы с пятой по седьмую последовательно раскрывают разные этапы жизни Толчёнова. В середине 1780-х Иван становится видной фигурой в бизнесе и правительственных учреждениях, в 1788 г. избирается Дмитровским бургомистром. Конец 1780-х и начало 1790-х гг. стали, по словам автора книги, «наивысшей точкой гражданской и общественной жизни Ивана» (с. 150). О повышении его статуса свидетельствовала постройка в Дмитрове роскошного двухэтажного каменного особняка, ставшего лучшим частным владением в городе. Стремление к роскоши, игра в карты, увлеченность общением с аристократами, владениями поместьями в Дмитровском уезде, передача торговых дел в руки управляющих привели Толчёнова на грань банкротства. И тогда наступил неблагоприятный период в его жизни, обозначенный Рэнселом в шестой главе словами «Видный ловкач». Попытки поправить финансовое положение с помощью кредитов не удалось, и это привело Толчёнова к краху. В журнале под 1797 г. он характеризует причины своего упадка такими словами: «В сем году принужден я сделался разстаться с любезным отечеством своим, городом Дмитровом, в котором 42 с лишним препровел жизни своей, в нем родился, вырос и все земные блага вкушал в полной мере, имея довольной, родителем оставленной капитал, притом десять лет и сам торговал успешно и с пользою и на приращенную торговлею сумму выстроил прекрасной каменной дом, оранжереи, имел сады, рыбную ловлю, хорошую услугу и всего оного лишил себя и невинное семейство излишнюю роскошью и беспечною о делах своих, прибавя к тому и некоторые потери по Петербургу и таким образом из почтенного звания первого по городу купца дошел до звания презрительного, и из прекрасного дому переселился жить в темные и беспокойные покои, в московскую квартиру, где одно производство карточной фабрики меня занимало»⁶. Но даже после разорения и переезда в Москву, как показывает Рэнсел, анализируя дневниковые записи Толчёнова, Иван Алексеевич продолжал вести свою разгульную жизнь с визитами в дома аристократов и богатых купцов, членством в Английском клубе (с 1796 г.), «своим поведением демонстрируя, что все у него в порядке» (с. 173).

В седьмой главе Толчёнов предстает «московским горожанином» и владельцем карточной фабрики. Наряду с освещением фабрич-

ных дел и семейных событий Рэнсел серьезное внимание уделяет здесь усилению религиозности Толчёнова в роковые периоды его жизни, показывает, что Иван почти ежедневно подолгу истово молился в разных московских храмах. Этот же сюжет подробно рассмотрен в завершающей главе монографии «Новое равновесие». Несмотря на скромные финансовые обороты, Толчёнов, по мнению исследователя обрел в эти годы душевный покой, благодаря благополучному устройству детей, которым он стремился дать лучшее образование и обучал иностранным языкам: четыре сына имели достойные занятия в бизнесе и в качестве наемных управляющих.

Подводя итог, Рэнсел отмечает, что хотя в течение жизни социальное положение Толчёнова постоянно менялось в зависимости от взлетов и падений, его самоидентификация как богатого и успешного человека, получившего положение в обществе от деда и отца, оставалась, несмотря на обеднение, очень устойчивой (с. 250–251). Исследование биографии получило завершение, когда американский историк после долгих поисков обнаружил в архивных делах по Дмитрову сведения о кончине своего героя в 1825 г.

Книга снабжена пятью географическими картами, иллюстрирующими ареал торговых операций фирмы Толчёновых (от Орла до Петербурга), планы Дмитрова и окрестностей, план Москвы, – с обозначением топонимов, упоминаемых в дневнике, а также генеалогическими схемами и современными фотографиями памятных для автора дневника мест.

Замечательное исследование профессора Рэнсела не только вновь обращает внимание исследователей и любителей истории на сам источник, пока еще незаслуженно мало используемый в преподавании и в научных работах, но и освещает многие малоизвестные стороны жизни русского общества второй половины XVIII – начала XIX в. и показывает многообразие в этот период социальных и культурных связей между людьми в больших и малых городах.

Г.Н. Ульянова,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ *Ransel D.L. Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988; Idem. Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria. Bloomington, 2000.*

² *Imperial Russia. New Histories for the Empire. Bloomington, 1998.*

³ См.: *Ульянова Г.Н.* Рец. на кн.: Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007 // *Отечественная история.* 2008. № 1. С. 195–197.

⁴ См., например: *Self and Story in Russian History. Ithaca; L., 2000; Autobiographical Practices in Russia. Göttingen, 2004.*

⁵ *Ulrich L.T. A Midwife's Tale: The Life of Martha Ballard, Based on her Diary, 1785–1812. N.Y., 1990.*

⁶ Журнал, или Записка жизни и приключений И.А. Толчёнова. М., 1974. С. 318–319.

С.П. Постников, М.А. Фельдман. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.

«Короткий двадцатый век» или «долгий двенадцатый»? Такая постановка вопроса вполне уместна при изучении российской истории XX в. в контексте теории модернизации, предполагающей между столетиями прежде всего качественные различия. Между тем изучение истории промышленности и рабочего класса, вопреки официальным декларациям с высоких трибун, наглядно убеждает, что качественные, принципиальные изменения в социальной структуре российского общества в течение XX в. не то чтобы вовсе отсутствовали, но были не слишком заметны. Национализация экономики и монополизация промышленности привели к тому, что исчезли экономические основания для различия классов, в том числе и класса, торжественно провозглашенного «ге-

момом»; а общество, стратифицированное по этатристическому принципу (в зависимости от отношения человека к государству), гораздо больше напоминает сословное, нежели классовое. Основным критерий такой стратификации – положение во властно-государственной иерархии¹. Каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. В этом, как полагают М.А. Фельдман и С.П. Постников, заключалось принципиальное сходство дореволюционной сословности и послереволюционной иерархии общества. Тем самым они соглашаются с Ш. Фицпатрик: всячески подчеркивая идею классовой структуры общества, советское государство фактически